

Герои Вселенной

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

МИНИМАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ

Алексей Евтушенко
Минимальные потери

«ЭКСМО»

2012

Евтушенко А. А.

Минимальные потери / А. А. Евтушенко — «Эксмо», 2012

Зародившаяся на Марсе высокоразвитая цивилизация погибала под ударами гигантских астероидов. И миллионы лет назад Земля стала одной из планет бескрайнего Космоса, которая приняла беглецов. В феврале 1945 года ученые разгромленного рейха обнаружили в Антарктиде подземную базу и корабль Неведомых, способный преодолевать межзвездные расстояния. Тысяча «настоящих» немцев достигла системы Тау Кита и за два столетия основала колонию Новая Германия. Увы, здесь, на планете Ария, бывших землян поджидала та же угроза – смертельно опасные атаки астероидов. Мечта о реванше и простое стремление выжить заставили колонистов искать спасения на далекой прародине. Совершенно невероятные встречи и сражения ожидали их в Солнечной системе.

© Евтушенко А. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Минимальные потери	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Евтушенко

Минимальные потери

Минимальные потери

Все названия, имена, фамилии, должности и ситуации, упоминающиеся в этой книге, существовали и существуют в реальности. Не нашей.

Мы летим, ковыляя во мгле,

Мы ползем на последнем крыле.

Бак пробит, хвост горит, и машина летит

На честном слове и на одном крыле...

*(Песня Джимми Макхью и Гарольда Адамсона
«Comin' In On A Wing And A Prayer»)*

Пролог

Их было восемь.

Один за другим они выскочили из гиперпространства в пространство обычное, словно шарик для пинг-понга из-под воды, и замерли в полной неподвижности. Относительной, разумеется. Ибо, как только корабли оказались здесь, внутри гелиосферы заранее выбранной звезды, вместе с этой звездой и всеми ее планетами они начали извечное путешествие вокруг центра Галактики. Впрочем, эта карусель совершенно не интересовала тех, кто находился внутри восьми кораблей, способных преодолевать межзвездные расстояния. Интересовало их совершенно иное движение – стремительный, но в то же время осторожный бросок к местному солнцу. Поближе к теплу и свету, без которых невозможна жизнь.

Поэтому, как только все системы кораблей после гиперперехода были проверены и дальнейший путь высчитан до световой миллисекунды, включились П-двигатели. Семь напичканных жизнью и смертью машин, одни из которых напомнили бы человеку исполинские персиковые косточки, а другие не менее исполинские шары для боулинга, ускоряясь с каждым мгновением, двинулись туда, где пока еще не слишком ярким, но уже солнечным светом горел для них огонек надежды. Один шар остался. В системе П-двигателей обнаружилось серьезные неполадки, которые следовало устранить, прежде чем двигаться дальше. Но остальные ждать не могли – время работало против них...

Глава 1

2152 год от Рождества Христова.

Земля. Иркутск.

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

Где проще всего познакомиться с женщиной? Желательно бешено красивой, чувственной и сексуальной. На худой конец подойдет просто симпатичная. Проституток не предлагать. Большинство скажет, в баре или в Сети. И ошибется. Съем женщины в баре – расхожий виртоштамп, а пресловутое большинство знакомо с предметом именно по вирту. Потому что их собственный опыт чаще всего ограничивается как раз Сетью. Но рассказы о том, что в Сети табунами пасутся красивые и сексуально озабоченные женщины, только и ждущие, когда их снимут на ночь-другую одинокие и любвеобильные мужчины – это легенды чистой воды. Их выдумывают как раз те самые мальчики, которые считают, что проще всего с женщиной познакомиться в баре. И совершенно не важно, сколько лет этим мальчикам – семнадцать или сорок. Факт в том, что они по-прежнему мальчики, ни черта не разбирающиеся в теме. Ну да бог с ними. Мне, вот, только-только стукнуло двадцать семь, и я, смею надеяться, в теме разбираюсь. Поскольку:

- а) не женат;
- б) люблю всячески общаться (лучше в постели) с красивыми женщинами;
- в) не урод, не дурак и не жадина;
- г) чувство юмора наличествует.

Последний пункт крайне важен. По важности его следовало бы сделать первым, но тогда бы его легко забыли. А так есть шанс, что запомните.

Вот и запоминайте.

Мужчина, у которого слабо развито или, не приведи господь, напрочь отсутствует чувство юмора, может поставить крест на мечте обладать многими красивыми и чрезвычайно сексуальными женщинами. Не очень-то и мечталось, скажете? Ну-ну. Дело ваше, хоть я все равно не верю. Однако знайте: превыше смазливой внешности, отсутствия жены (одной или нескольких – не важно), толстого кошелька и ума палаты, женщина ценит в мужчине способность ее рассмешить. Поэтому, если хотите, чтобы женщина стала вашей, сделайте так, чтобы она улыбнулась, а потом засмеялась. Искренне, легко и весело. И не над вами (клоунов любят только в цирке), а над тем, что вы скажете. Ну а затем... Впрочем, я отвлекся. Вот так со мной всегда. Стоит затронуть тему женщин, и я готов обсуждать ее бесконечно. Между тем на вопрос, мною же заданный с самого начала, так и не ответил. Исправляюсь.

Легче всего с бешено красивой, чувственной и сексуальной женщиной познакомиться... в театре.

И чем лучше постановка, тем выше шансы, что у вас все получится. Само собой разумеется, что при этом вы должны любить не только женщин, но и театр. Или хотя бы умело притворяться, что вы его любите.

Я люблю.

Сегодня вечером в «Новом комедианте» давали знаменитую «Гостью» Пронина и Станкевича в постановке Николая Уборовского. Тоже знаменитого. Хотя в таких случаях я всегда на стороне драматурга. Пьесе «Гостья», должно быть, порядка ста двадцати – ста тридцати лет. И все эти годы, включая не к ночи будь помянуты Серые Десятилетия, она пользовалась успехом повсюду, где люди ходят в театр. Говоря «повсюду», я имею в виду не только Россию, но и весь остальной мир, сумевший, хвала Иисусу, Магомету, Будде и Моисею, войти в ХХІІ век относительно целым и даже местами цивилизованным.

Режиссер же Никола Уборовский успешен последние лет десять и большей частью в русских столицах – Иркутске, Москве и Питере. Вот и вся разница.

Тем не менее Уборовский, на мой вкус, и впрямь неплохой режиссер, что в сочетании с гениальной пьесой давало мне отличный шанс достойно провести один из немногих оставшихся вечеров отпуска. А если чуть-чуть повезет, то и последующую за вечером ночь.

Театр «Новый комедиант» был спроектирован и возведен на правом берегу Ангары, на бульваре Гагарина, около сорока лет назад, сообразно архитектурной моде начала XXII века, и представлял собой чуть сплюснутый у полюсов шар из пластмонолита диаметром около тридцати метров, удерживаемый на весу четырьмя мощными пилонами. Под этой дурой человек проходил совершенно свободно, и над его головой еще оставалось метров семь-восемь свободного пространства. Внутри же пилонов, понятно, были устроены лестницы и эскалаторы, по которым зрители и попадали внутрь шара, где располагался, собственно, зрительный зал, весьма уютное театральное кафе-буфет, гардероб, туалеты и все прочее. Правда, как всегда у нас, в России, из четырех входов-выходов работали только один-два, но тут уже ничего не попишешь. Менталитет-с.

Подходя к театру, я не в первый уже раз подивился тому, что здание в общих чертах внешне напоминает наш патрульный фэйтеронесущий крейсер «Неустршимый». Не один в один, но все же. Словно конструкторы и дизайнеры, проектируя первый в истории человечества боевой космический корабль, вдохновлялись именно этим произведением архитектуры. Ерунда, конечно. Скорее, наоборот. В начале века, когда человечество, пережившее жутенькие Серые Десятилетия, сначала вернулось на земные орбиты, Луну и Марс, а затем отправилось дальше – к спутникам Юпитера и Сатурна, космическая тематика стала модной не только в архитектуре, но и в бытовом дизайне. Я не специалист, но знакомая художница, с которой мы одно время... э-э... дружили, рассказывала, что такое уже было в шестидесятых годах совершенно безбашенного двадцатого века. Тогда человек впервые сумел одолеть притяжение Земли, и всем казалось, что освоение Солнечной системы – дело ближайших тридцати лет. Ну, пятидесяти. Н-да... С тех пор прошло уже без малого двести, а нам еще осваивать и осваивать. Внукам и правнукам хватит, только приступили, считай, по-настоящему. Все-таки оптимизма неумеренного предкам было не занимать. Может, это и правильно, без оптимизма выжить гораздо труднее.

Я, вот, тоже оптимист. Иду и верю, что сегодняшний вечер зря не пропадет. Не должен. Отпуск у пилота спейсфайтера В-910 «Бумеранг» бывает раз в году. И провести его нужно так, чтобы не было потом мучительно жалко бездарно растроченных ночей. Ну и дней с вечерами тоже, уговорили.

Я вижу ее сразу же, как только, сдав в гардероб бекешу и купив программку, вхожу в буфет. С порога. На первый взгляд – молодая, чуть ли не моя ровесница, тридцати нет. Но уже со второго понимаю, что ошибся. Просто маленькая собачка до смерти щенок – это раз. И современная косметология способна на истинные чудеса – это два.

Сорок, не меньше. А то и за сорок. Даже скорее всего «за». Глаза выдают. Они всегда выдают. У молодых блеск другой – быстрый, ясный, свежий. И ни выпивка, ни наркотики, ни специальные капли или контактные линзы здесь не помогут, не дадут того же результата. Да и не нужно. *Такие* сорокалетние женщины меня очень даже устраивают. Включая блеск глаз.

За буфетной стойкой не робот – живые люди, парень и девушка, и это импонирует. Понятно, что молодые актеры совмещают профессии: те, кто не занят в спектакле, подрабатывают в гардеробе и буфете, обслуживают зрителей. Масса преимуществ в таком подходе, я считаю. Тут тебе и дополнительный заработок, и смирение творческой гордыни. А главное – мне нравится. Хотя знаю, что все то же большинство предпочло бы робота, который неизменно

вежлив и практически никогда не ошибается. Так большинство в театр и не ходит, к услугам большинства вирт-дитя и прямой наследник старого доброго кинематографа и видеоигр.

Я взял чашку черного кофе, двадцать пять грамм настоящего коньяка в правильном широком бокале и огляделся. Якобы в поисках свободного места.

Она скромно опустила глаза.

– Разрешите?

– Пожалуйста.

Прекрасно выглядит. И духи как раз такие, как я люблю. Обещающие.

Медленно и осторожно или быстро и решительно? Тут наверняка не угадаешь. Пятьдесят на пятьдесят, проверено. Но в том-то и прелесть. К тому же пятьдесят из ста – это очень хорошие шансы. Я бы и на сорок согласился. И даже на двадцать. При определенных обстоятельствах. Сейчас обстоятельства как раз такие.

– Меня зовут Сергей, – представляюсь.

– Наташа, – разыгрывает легкое недоумение.

– Прекрасно, Наташа. За знакомство!

Чокаюсь своим коньяком с ее шампанским, делаю глоток, улыбаюсь широко и обаятельно.

– Космолетчики все такие? – спрашивает она не без иронии.

Другой бы на моем месте обязательно спросил: «Какие?» и тут же утратил бы инициативу.

– Нет, – отвечаю решительно. – Только военные космолетчики. И знаете, почему?

– Почему?

Вот теперь правильно, теперь я – ведущий, а она – ведомая.

– Потому что сегодня мы живы, а завтра, очень может быть, уже нет.

Пошловато, согласен. И не соответствует действительности. Попросту говоря, вранье. Но раз уж выбрал эту модель атаки, будем идти до конца. Да и опыт показывает, что приемчик действует в трех случаях из четырех. Видимо, срабатывает что-то на генетическом уровне. Как женщине отказать мужчине, который завтра может, защищая ее, погибнуть? Это инстинкт, род должен быть продолжен. Но одного инстинкта и вранья маловато.

– К тому же, – добавляю, – вы невероятно красивы и привлекательны, и я просто не мог пройти мимо.

Есть. На щеках проступил естественный румянец, глаза блеснули, тонкие ноздри расширились.

– Спасибо, – пьет шампанское, явно не знает, что говорить дальше. Ничего себе, кажется, она действительно смущена. Обожаю. Или талантливейшая актриса, впору играть в «Новом комедианте». Тоже обожаю.

– Вы раньше видели «Гостью»? – спрашиваю.

– Нет. А вы?

– Видел, но не в этой постановке.

– Хотите остаться и посмотреть?

О как. И где-то смущение? Взгляд чуть раскосых темно-карих глаз откровенней любых слов. У меня аж пульс подскочил ударов на двадцать в минуту, не меньше.

– С огромным удовольствием я пересказал бы вам пьесу лично, – иду ва-банк. – Правда, не в этой обстановке. Согласитесь, глупо пересказывать пьесу в театре, где она идет.

– Что ж... – она допивает шампанское, отодвигает бокал и встает. – Тогда пошли?

Кожа у Наташи теплая, бархатная, и впрямь не скажешь, что этой женщине сороковник с гаком, – вон и грудь, что у твоей двадцатипятилетней. Мы полусидим в постели, опершись на подушки, отдыхаем после взлета на самую вершину. Подъем был долог, не без сложностей,

даже пару раз казалось, что вот-вот сорвемся вниз, но мы справились. И теперь благодарны друг другу за это. То есть я точно благодарен, а вот она?.. По виду женщины никогда не угадаешь, можно только надеяться. Вот я и надеюсь. К тому же ночь только началась, и уходить прямо сейчас мне не хочется. С удовольствием бы поднялся на эту вершину еще разок-другой.

– Спасибо, – говорит она, словно услышав мои мысли. – Было чудесно.

– Это тебе спасибо, – отвечаю. – Шампанского? Холодненького.

– Давай, – улыбается она.

Квартира у Наташи в престижном районе, большая, на четвертом этаже хорошего современного шестиэтажного дома из самого настоящего кирпича. Еще и ручной кладки, небось. Такая стоит немалых денег. И, что мне еще понравилось в этой женщине, она сразу призналась, как только мы вошли:

– Квартиру муж заработал. И не только квартиру. Хочу, чтобы ты знал, он мне очень близок. Самый родной человек.

– Хм... Что ж ты тогда притащила меня в гости? – не удержался я от прямого и грубоватого вопроса.

– А мне секса не хватает, – откровенно сказала она. – Особенно сейчас, когда муж в долгой командировке.

Вот и думай, кто кого использует в данном случае – я ее или она меня? Остается прийти к утешительному выводу, что оба хороши, и на этом успокоиться. Успокоиться и продолжить.

Но продолжить не получилось.

В личном комме ожила линия связи, которую я не вправе отключать, что бы со мной ни происходило и где бы я ни находился.

– Извини, – я выудил из нагрудного кармана форменной рубашки коммуникатор и нажал соединение. – Слушаю.

– Готовность номер один! – рявкнул бортовой комп-мозг (в просторечии «бортач») патрульного файтеронесущего крейсера «Неустрашимый» чуть сирым голосом нашего капитан-командора Ивана Малковича. – Все на борт! Повторяю. Готовность номер один! Все на борт! Подтвердите получение.

– Подтверждаю, – ответил я, – старший лейтенант Сергей Тимаков сообщение принял.

– Что-то случилось? – спросила Наташа.

– Вряд ли, – сказал я, встал с постели и принялся одеваться. – Тем не менее мне пора.

– Прямо сейчас?

– Ты не представляешь, как мне жаль.

Пять минут одеться и привести себя в порядок, еще минута – вызвать воздушное такси (самому, чтобы не компрометировать замужнюю женщину, и к соседнему дому), тридцать секунд на прощальный нежный поцелуй. Все, закончился отпуск. И хорошо еще приятным аккордом, который согреет мое сердце в долгие часы опасной космической вахты. Хм. Не так смешно, как может показаться. Слово «опасной» тут явно не к месту, но все остальное вполне соответствует истине.

Когда я вышел на улицу, часы показывали двенадцать минут второго, и пронзительный ноябрьский иркутский ветерок быстро сдул с моих губ вкус прощального поцелуя Наташи.

Глава 2

Борт самолета «Як-300»,

рейс Иркутск – Свободный

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

От Иркутска до города Свободный, рядом с которым расположен космодром «Восточный», больше полутора тысяч километров. Это, если лететь по прямой, через воздушное пространство Китая. Мы летали. Как, впрочем, и китайцы. Чуть больше часа чистого времени от отрыва до касания.

Расписание самолетов из Иркутска до Свободного я знал наизусть и как раз успевал к единственному ночному рейсу. Разумеется, если, понятно, такси не подведет. Оно не подвело, и ровно в три часа ночи я пристегнул ремни своего пассажирского кресла в комфортабельном, скоростном и экономичном «Як-300», отрегулировал наклон спинки и совсем уж собрался отдаться в объятия Морфея, как не тут-то было.

Сосед справа. Пожилой лысый дядька лет, наверное, семидесяти двух – семидесяти пяти, не меньше. Еще не старик, но в нескольких шагах. Сначала он вспомнил, что забыл вытащить из дорожной сумки комм, без которого ему, ясен космос, как без рук и жизнь не мила, а сумка уже наверху в багажном отделении. Пришлось отстегнуться, встать, любезно достать его сумку и потом снова положить ее на место. Казалось бы, ерунда, но настроение на немедленное погружение в сон было сбито. Ладно, сейчас настроимся.

– Простите, молодой человек...

Да что ж такое, почему у меня до сих пор нет денег, чтобы летать первым классом или вообще купить собственный самолет?! Давно же мечтаю. Самый простой четырехместный «пайпер» меня бы вполне устроил. Ха-ха. Для этого вам, Сергей Леонидович, не пилотом спейсфайтера нужно было становиться, а идти в предприниматели. Говорила же мама, зачем тебе, сынок, эти высшие курсы военных космолетчиков? Баловство одно, несерьезно. М-да. Или, по крайней мере, иначе относиться к заработанным деньгам. Экономить. Откладывать. Считать каждый энерго. Забыть о женщинах... Ужас. Зачем тогда свой самолет? Не хочу.

– Слушаю вас.

– Вы, часом, не на Луну направляетесь?

– На Луну. А что?

– Замечательно, – он улыбнулся неожиданно молодой улыбкой и протянул руку. – Я тоже.

Питер. Будем попутчиками.

Мне ничего не оставалось делать, как пожать ему руку и представиться:

– Сергей.

– Очень приятно, – по-русски он говорил чисто, но легкий европейский акцент чувствовался. Француз? Черт его знает. Нормальный европеец нынче спокойно владеет пятью-шестью языками почти как родным. Да и не только европеец. Слава богу, с появлением недорогих и жутко действенных методик гипнообучения проблема языковых барьеров ушла в прошлое. Ну, почти.

– Мне тоже, – сказал я по-французски.

– Вообще-то, я скорее немец, – усмехнулся он. – Но меня часто принимают за француза, не вы первый. Наверное, сказывается то, что мои предки двести тридцать два года назад бежали из России как раз во Францию.

Я припомнил уроки истории.

– От революции большевиков?

– Да. Так что в моих жилах, молодой человек, есть и русская кровь.

– Рад за вас. Тем более что в моих жилах кровь на четверть японская.

– Да, это заметно. Волосы и разрез глаз. Хотя цвет глаз у вас серый, а не карий. Бабушка, вероятно? По отцу?

– Угадали.

– Из Особой Автономии Япония?

– Разумеется.

Надо же, какой говорливый попался. И не спится ему, и все ему интересно. А может, боится летать? Что ж, бывает. Другой бы накатило грамм двести – двести пятьдесят крепкого, а этот, видишь, страх за разговором спрятать пытается.

– Не переживайте, – добавляю с уверенной и, как мне кажется, ободряющей улыбкой. – «Як-300» очень надежный самолет, долетим, как по писаному, быстро и нежно.

– Вы, никак, решили, что мне страшно? – он смешно задирает седые брови и смотрит на меня с веселым изумлением.

– Многие боятся, – нейтральным тоном сообщаю я. – Особенно люди в возрасте. Здесь нет ничего постыдного.

Ответить он не успевает. Двигатели свистят, машина срывается с места, набирает скорость (эх, как же мне это нравится, даже когда я не за штурвалом!), отрывается от полосы и, задрав нос, устремляется в небо. Я откидываюсь в кресле и прикрываю глаза, хотя бы на время набора высоты и скорости мой сосед должен умолкнуть. Он и умолкает. Но, как только самолет преодолевает звуковой барьер и по салону разливается тишина, заговаривает снова.

– Я не боюсь летать, – сообщает он. – Наоборот, люблю. А вы?

– Что я?

– Вы любите летать?

Странный вопрос. Все равно, что спросить у художника, любит ли он рисовать. То есть у настоящего художника. А есть не настоящие? Есть, наверное. Те, которым наскучило. Страшно это, наверное, – вдруг осознать, что тебе смертельно наскучило любимое дело. Ну и те, кто ошибся в выборе пути. Тоже ничего хорошего.

Я вспомнил своего сокурсника Марека Гамбурга.

Хороший ведь был пилот, а имеет теперь свою небольшую туристическую фирму в Иерусалиме. И вполне счастлив, по его собственным словам. Значит, не так уж все и страшно. Вот же чертов сосед. Это из-за него я сейчас не смотрю какой-нибудь приятный эротический сон, а размышляю о своей профессии. Делать мне больше нечего.

– Люблю, – отвечаю я не слишком охотно. – Космолетчику, который разлюбил летать, следует задуматься о другом способе зарабатывания денег.

– Забавно, – усмехается Питер.

– Что именно?

– Вы сказали «способ зарабатывания денег». Почему было не выразиться проще – профессия?

Вот пристал. Послать его, что ли, подальше? Нет, нельзя. На мне как-никак форма, а он всего лишь любопытный старик. Которому, несмотря на его уверения, может быть страшно. И сейчас страшно, а уж на Луну лететь – тем более. Вот и сидел бы дома. Нет, господин старший лейтенант, надо быть снисходительней к слабостям пожилых людей. Проявлять такт и уважение. Чтобы знал, как приятно иметь дело с офицером военного космолота Земли. Пусть даже этот космолот и состоит из одного-единственного патрульного фэйтеронесущего крейсера «Неустрасимый». И даже не полноценного крейсера, а прототипа. Хоть и практически доведенного до необходимой кондиции.

– Впрочем, можете не отвечать, – тем временем продолжил настырный сосед. – Профессия предполагает, что ею занимаются, как минимум, тысячи людей по всей планете. А военкосмолетов¹ и двух сотен не наберется, верно?

– Нас мало, но мы в бэтлсьютах², – ответил я старой поговоркой времен учебы на Высших курсах военных астронавтов.

– Понятно, понятно, – закивал головой Питер. – А также *Semper Fidelis*³, «Никто, кроме нас!»⁴ и прочие красивые слова.

– Вообще-то, наш девиз – «Земля и свобода», – сообщил я как можно любезнее. – Извините, Питер, но мне показалось, у вас есть какие-то серьезные претензии к военкосмолетам. Это так?

– Не совсем.

– То есть что значит – не совсем? Или претензии есть, или их нет, согласитесь.

– Вы еще молодой человек, – вздохнул Питер, – а потому редко замечаете промежуточные состояния. Для вас пока важны противоположности: плюс и минус, черное и белое, любовь и ненависть. И это прекрасно. Тем не менее я сказал то, что сказал.

– В таком случае поясните, что вы имеете в виду, – предложил я. – И заодно, почему я должен вас выслушивать.

Вторая часть фразы была, признаю, грубоватой, но он меня уже изрядно достал.

– Разумеется, вы ничего не должны. Не хотите – не отвечайте. Но мне почему-то кажется, что вам самому хочется найти ответ на этот вопрос.

– На какой именно?

– Вопрос простой. Зачем вы нужны?

А, понятно. Из тех, кто любит считать чужие деньги. Сейчас заведет речь о том, что, мол, содержать и поддерживать в боевой готовности в течение стольких лет целый патрульный крейсер с хорошо подготовленным экипажем ввиду отсутствия как прямой, так и косвенной угрозы инопланетного вторжения слишком накладно для бюджета СКН⁵, и ему, как честному налогоплательщику, хотелось бы более осмысленной траты народных средств. Старая песня.

Некоторые договариваются даже до того, что необходимо свернуть освоение Солнечной. Слишком накладно, мол, и лучше эти деньги пустить на решение земных проблем. Идиоты.

– Нет, нет, – сообщил Питер, как будто прочитав мои мысли, – я не из партии спейсфобов. Даже скорее наоборот. Но мне и правда чертовски интересно, что вы думаете о настоящем и, главное, о будущем вашей столь редкой профессии.

– А можно узнать, откуда у вас этот интерес? – осведомился я, искренне надеясь, что мой голос звучит предельно корректно.

– Ну как же! – воскликнул он. – Волею судьбы я оказываюсь в одном самолете и знакомлюсь с молодым энергичным человеком в форме старшего лейтенанта военного космолота Земли. На рукаве его кителя – шеврон, из которого следует, что молодой человек не просто член экипажа единственного в своем роде патрульного космокрейсера «Неустрасимый», а пилот спейсфайтера В-910, он же «Бумеранг», на жаргоне военкосмолетов. Из откры-

¹ **Военкосмолет** – жаргонное название военного астронавта в Российской империи.

² **Бэтлсьют** – боевой костюм военкосмолета. По сути – скафандр – со специальными боевыми функциями.

³ **Semper Fidelis** – «Всегда верен» (*лат.*), девиз морской пехоты США.

⁴ **«Никто, кроме нас!»** – девиз Воздушно-Десантных Сил Российской империи.

⁵ **СКН (USN – Space Alliance of Nations)** – Союз Космических Наций. Мощная международная организация, в которой состоят государства, способные к самостоятельному выходу в космос. Это: Российская империя (включая Японскую автономию), США, Союз Европейских государств, Китай, Индия, Южноамериканская Конфедерация, Великий Израиль, Арабско-Африканский Альянс). Фактически СКН – наследник Лиги Наций и ООН.

тых источников мне известно, что таких пилотов на всей Земле всего дюжина. Из них восемь человек находятся на борту «Неустрасимого» постоянно, а еще четверо сейчас заканчивают подготовку на Высших курсах военных астронавтов и приступят к несению службы, как только крейсер пополнится еще двумя спейсфайтерами согласно плану дальнейшей модернизации. Итого на девять машин – двенадцать пилотов. Нормальное соотношение с учетом возможных замен. Сами подумайте, мог ли я удержаться от вопросов, кои давно меня волнуют? Особенно если учесть, что и сам в свое время полетал изрядно. Бывал и на Марсе неоднократно, и на спутниках Юпитера и Сатурна... И ни разу нигде не встретил ни малейшего намека на угрозу со стороны инопланетян. Каковых и существование-то не доказано, а уж угроза... А вы что думаете?

Надо же, передо мной, оказывается, знаток. Странно, вообще-то. Обычно таковые наблюдаются среди мальчишек – романтика космоса и войны, все дела. Знают наизусть ТКХ «Бумеранга» и возможности боевых лазеров. А тут пожилой уже человек. Хотя всякое бывает. К тому же говорит, что полетал в свое время. Побывать на спутниках Бурого Джупа и Властелина Колец – это вам не турэкскурсия на старушку Луну. Космос – он до смерти в крови у тех, кто его хлебнул в должной мере.

– Что думаю... – повторил я вслух вслед за ним. – Думаю, что человечество поступило весьма мудро, пойдя на интеллектуальные и материальные затраты по созданию военного космофлота Земли в составе файтеронесущего патрульного крейсера «Неустрасимый» и подготовке экипажа. Не такие уж и великие затраты, к слову сказать, если разделить их на все страны, входящие в СКН. Копеечные затраты, прямо скажем. Угроз не встречали, говорите? Это сегодня вы их не встречали. А о завтрашнем дне думать не хотите?

– Отчего же, как раз о завтрашнем дне я и думаю, – произнес собеседник. – Стоит ли нести в космос оружие, если воевать там не с кем? У оружия, знаете ли, есть нехорошее свойство – находить цель даже на пустом месте.

– Вы же мужчина, бросьте эти бабские разговоры. Скажу вам, как военный. Лаконично и ясно. Никакое оружие самоцель не находит и не стреляет. Это делает человек. Если же вы опасаетесь, что мы, военкосмолеты, не найдя себе цели, начнем жечь, к примеру, мирную колонию Марса или гелиедобывающие базы на Луне и спутниках планет-гигантов, то поздравляю вас с паранойей. Но ничего страшного, это лечится. Извините за откровенность.

– Да, – вздохнул он. – Можно было и не сомневаться в вашем ответе. Но согласитесь, что и у тех, кто считает создание и содержание военного космофлота, пусть даже и в столь зачаточном состоянии, как сейчас, блажью и пустой тратой денег, тоже есть свои резоны.

– Свои резоны есть у всех и всегда. Поскольку у любой медали две стороны. Еще раз извините, но я не люблю пустой болтовни. Хотите переделать «Неустрасимый» в исследовательское или грузовое судно? Флаг в руки. Пишите запросы и предложения в штаб-квартиру СКН в Москве. Глядишь, и прислушаются. Только потом не жалуйтесь.

– Потом – это когда? – по губам Питера скользнула усмешка.

– Когда жареный петух клюнет в задницу, – буркнул я. – Послушайте, Питер, не знаю, как вы, а я с удовольствием поспал бы. Можно? Устал за день.

И, не дожидаясь ответа, я откинул кресло, повернулся к соседу спиной и закрыл глаза. Невежливо, да. Но он меня достал, если честно. Нужен ли Земле военный космофлот? Да откуда я знаю? Значит, нужен, если он есть, и я даже в нем служу. Наше дело хорошо рулить, быстро летать и точно стрелять. А куда рулить и летать и в кого стрелять, пусть думают те, кому по должности положено.

Что отлично умеет делать практически каждый военный – это засыпать в любой обстановке. И военкосмолеты не исключение. Не верьте тем, кто утверждает, что лучше провести всю ночь без сна, чем прикорнуть на сорок минут или час. Это говорят те, кому ни разу в жизни не доводилось переживать несколько бессонных ночей подряд. Даже десять минут сна

в подобных условиях – уже отдых мозгу и всему организму. А уж сорок минут – час – и вовсе бесценный подарок. Кто не верит, пусть завербует в Вооруженные Силы и послужит хотя бы пяток лет. Или в спасатели-чрезвычайщики, там тоже быстро становится понятно, без чего может человек обойтись, а без чего – нет. И на протяжении какого времени.

Так что через несколько секунд я уже крепко спал и вернулся в реальность лишь тогда, когда наш «Як-300» коснулся шасси бетона взлетно-посадочной полосы, и приятный голос живой стюардессы (не всех еще заменили роботами, слава богу!) по заведенному вот уже более двухсот лет порядку объявил о том, что наш самолет благополучно совершил посадку в аэропорту космодрома «Восточный», температура снаружи семнадцать градусов ниже нуля по Цельсию, а экипаж воздушного судна во главе с командиром желают нам дальнейшего счастливого пути.

Глава 3

Аэропорт г. Свободный – космодром «Восточный»

Пилот спейсфайтера В-910 «Бумеранг» ст. лейтенант Сергей Тимаков

Неизвестно, кто первым из сильных мира сего высказал мысль о том, что Земле в целом и СКН в частности неплохо бы завести военный космический флот. И не просто высказал, а сумел претворить мысль в дело. Мы лишь знаем из официальных документов, что решение о строительстве первого в истории военного космического корабля было принято на заседании Совета СКН 11 октября 2137 года, т. е. пятнадцать лет назад.

Девять лет ушло на воплощение решения в жизнь – от первого эскизного чертежа до последнего шва вакуумной сварки. И вот уже три года, как «Неустрасимый» несет службу по охране Солнечной системы от недружественного вторжения инопланетян. Существование которых, как справедливо заметил мой попутчик господин Питер Уварофф, никем пока не доказано.

И тем не менее.

Наша база «Римский лагерь», как известно любому интересующемуся данным вопросом, находится на Луне между Морем Дождей и Морем Ясности. Примерно в том же районе, где аж сто восемьдесят один год назад, в далеком-предалеком одна тысяча девятьсот семьдесят первом совершил посадку «Аполлон-15», корабль 4-й экспедиции землян к своему естественному спутнику.

У меня до сих пор иногда холодок по спине пробегает, когда я думаю о тех ребятах. Это сейчас слетать на Луну немногим сложнее и дороже, чем на другой континент. И практически так же безопасно. А тогда, почти два века назад... Кто хоть в малой степени изучал историю космических полетов и космического кораблестроения, поймет, что я имею в виду. Это же уму непостижимо, каким мужеством нужно было обладать, чтобы отправляться к Луне на том, на чем они отправлялись! Отправлялись, достигали цели и возвращались домой. За что им искреннее человеческое спасибо и низкий поклон. Не будь тех, первых, отчаянно храбрых полетов, так и крутились бы мы на орбитах вокруг Земли по сию пору, не решаясь перерезать пуповину тяготения, предрассудков и обывательского страха, связывающую нас с родной планетой.

По правде сказать, мы и крутились. Долго. Минуло полвека, прежде чем человек снова отправился к Луне, и еще десять лет потребовалось, чтобы основать там первую базу. Затем пришел черед Марса.

Но, увы, люди не успели хорошенько распробовать, каков на вкус космос за околоземными орбитами. Пришли Серые Десятилетия. Почти семьдесят лет и зим, в течение которых население Земли уменьшилось более чем на миллиард человек... Спасибо русским ученым, сумевшим, наконец, откопать в кладовке мироздания достаточно простой и надежный способ получения недорогой электроэнергии с помощью управляемой термоядерной реакции. И японским инженерам, воплотившим идею в конкретный промышленный реактор. А тут как раз и земные недра начали успокаиваться, и агрессивный запал тех, кто пытался внушить соседу свой взгляд на окружающий мир с помощью оружия, резко пошел на убыль.

Потому что, как только Российская империя со входящей в нее Особой Автономией Японии перешли на новую валюту, обеспеченную не золотом, а производимой энергией, быстро всем на Земле стало понятно, чем стоит заниматься в ближайшие сто лет, как минимум.

Свет в конце тоннеля – вот как это называется.

Человечество увидело свет и устремилось к нему. Свет во всех смыслах этого слова. Дешевая электроэнергия, которую проще добыть самому (или, в крайнем случае, купить),

нежели воевать за ресурсы – это серьезный стимул к развитию. Особенно, когда самое лучшее топливо для управляемого термоядерного синтеза – гелий-3 – в избытке находится на Луне.

Самое лучшее, потому что в первую очередь самое безопасное. Соединение дейтерия с тритием тоже давало отличный результат и, главное, ни за тем, ни за другим далеко летать не приходилось. Но уж больно много хлопот возникало с обеспечением надежной защиты от радиации. Мощный нейтронный поток – это вам не порыв свежего ветерка летней ночью, от него пиджак не спасет. То ли дело дейтерий плюс гелий-3. И энергии на выходе больше, и в случае аварии реактора радиоактивность, даже при разгерметизации рабочей зоны, равна практически нулю. Очень веский аргумент. Особенно после Серых Десятилетий, когда человечество по самые ноздри хлебнуло радиоактивности от нескольких серьезнейших аварий на АЭС и от ограниченного применения ядерного оружия в локальных войнах.

Правда, и не слишком много народу погибло и пострадало от радиации, по сравнению, допустим, с теми же землетрясениями, цунами или элементарным голодом. Тем не менее так уж устроен человек, что смерти от техногенных факторов он боится больше, нежели от сил природных. И причина этого страха понятна. Землетрясение ты не предотвратишь и не остановишь, нет у нас таких методов. А вот ядерную катастрофу той или иной степени безумия – запросто. Ну, т. е. не совсем запросто, однако вполне по силам. Значит – что? Правильно. Отказываемся от ядерных технологий.

Не получается отказаться, потому что кушать хочется?

Тогда делаем вышеупомянутые технологии как можно безопаснее. Но учтите, что будет дороже и труднее.

Да и бог с ним, мы заплатим, лишь бы без радиации.

Выходит, нужно возвращаться на Луну. И не только на Луну. Нет худа без добра, и уроки Серых Десятилетий не прошли для человечества даром. Стало окончательно ясно, что на Земле уже совсем тесно; биосфера не выдерживает нашей технической и прочей экспансии, а также общей дури, и планета начинает мстить, регулируя людскую численность с помощью давно проверенных методов: землетрясений, цунами, ураганов, засух, наводнений и тому подобного.

Получается, остается одно. Космос. Солнечная система огромна, места всем хватит. И запас терпения у нее наверняка много больше, нежели у Земли-матушки.

Дело оставалось за малым – сконструировать мощный, не слишком дорогой, надежный и безопасный двигатель для космических полетов. Потому что осваивать Солнечную на старых ракетах с химическим топливом попросту невозможно.

И он был сконструирован.

Лазерный термоядерный двигатель (ЛТЯРД) позволил не только вернуться на Луну, но и основать первую колонию на Марсе и отправиться дальше – к спутникам Юпитера, Сатурна, затем Урана и Нептуна и еще дальше – к поясу Койпера, откуда можно смотреть на далекое Солнце, не мигая.

Очень быстро стало понятно, что не так страшен черт, как его малюют, и Солнечная система гораздо лучше приспособлена для жизни человека, чем считалось ранее. Разумеется, для жизни современного человека, обладающего соответствующими технологиями. Главным образом потому, что там оказалось просто до фига водяного льда. Замерзшей воды, другими словами. А что есть вода? Основа жизни, скажете вы. Потому что мы вышли из воды, пьем воду и сами на 70–80 % из нее состоим (у новорожденного этот процент еще выше, у пожилого – ниже). Правильно, скажете. Но есть что добавить. Вода – это водород и кислород. Первый – универсальное топливо, второй... ну, это понятно. Дышать чем-то надо, верно? Не говоря уже о всех прочих, необходимых для нормального человеческого существования, процессах окисления.

Причем вода, в более чем необходимых количествах, оказалась практически везде, куда ступила нога человека в космическом скафандре. На Луне, Марсе, поясе астероидов, спутниках внешних планет – Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, в их кольцах в поясе Койпера. А уж в облаке Оорта, куда мы еще, считай, не совались, по некоторым теоретическим расчетам, водяного льда, собранного в основном в ядрах миллиардов комет, столько, что хватит заполнить океаны тысячи таких небесных тел, как наша Земля.

Иногда мне кажется, что все это не случайно. Так же, как запасы нефти на Земле позволили человечеству развиваться до выхода в межпланетное пространство, запасы воды в Солнечной системе дадут нам возможность шагнуть дальше – к звездам. Романтика не самого утонченного пошиба, и пафоса тоже многовато, понимаю. И случится это еще очень и очень не скоро, если случится вообще. Но почему бы, черт возьми, и не помечтать?

...Очереди к стоянке такси не было, большинство предпочло недорогой общественный транспорт.

Нет уж, раз отпускные прогулять не успел, поеду с шиком. Военкосмолет я или кто? Следует держать марку.

Подкатило такси-робот.

Дверь бесшумно ушла в корпус, в салоне зажегся свет, и приятный женский голос произнес:

– Машина свободна. Прошу садиться.

– Вы не против, если я поеду с вами? – осведомилась за моей спиной. – Нам обоим на космодром, а ждать следующей машины или лезть в автобус не хочется. Плачу я.

Питер Уварофф, ясен космос. Почему-то мне казалось, что он уехал раньше. Ладно, вместе так вместе. Отказать было бы совсем уж по-хамски.

– Разумеется, – отвечаю. – Только платим пополам. Знаете, как говорят русские военные летчики?

– Как?

– Чем точнее расчет – тем крепче дружба. Вы где предпочитаете сидеть?

– Интересное выражение... Мне все равно, садитесь впереди, я – сзади.

Усаживаемся.

– Космодром «Восточный», – называю адрес, и машина плавно трогается.

– А вы разве были военным летчиком? – спрашивает Питер.

– Как почти все наши, – отвечаю. – Но недолго. Два года после училища.

– На чем летали, если не секрет?

– Не секрет. «МИГ-42 М».

– Многоцелевой, всепогодный, суборбитальный, – произнес он с ноткой уважения в голосе. – Сильная машина.

– Знакомы? – слегка удивился я.

– Встречался. В бою. Правда, тогда еще просто с «МИГ-42». Без М.

Однако...

– В бою?

– Тридцать девять лет назад. Один из последних конфликтов Великой Турции с Украиной из-за Крыма.

– А, ну да, что-то такое припоминаю из курса истории. Кажется, России тогда пришлось вмешаться.

– Вот-вот, она и вмешалась. «МИГами-42» и не только. А я как раз был инструктором на «фантоме». Натаскивал турецких летунов. Формально мы не имели права вступать в бой. Но на деле иногда приходилось.

– На «пятидесятке»?

– Да. Считалось, он превосходит сорок второй «МИГ». Оказалось, нет. Хорошо, что все довольно быстро закончилось. Но один раз меня все-таки сбили. Впрочем, и я в долгу не остался.

В панорамном зеркале заднего вида встречаю спокойный взгляд. Похоже, не врет. Надо же. Тогда понятен его интерес к нам, военкосмолетам. Многие летчики мечтают о космосе, так уж испокон веков повелось. Странно, правда, что выступал он скорее с позиций сугубо гражданского лица. Хотя мало ли какие убеждения у человека, особенно у человека повоевавшего. Кажется, в психологии есть описание похожего синдрома, но чего только в психологии, скажите на милость, нет. Дай этим психологам волю, они все твои сокровенные мысли по полочкам разложат и каждую объяснят. Толку, правда, от этих объяснений будет, как от козла молока, но это уже им не важно, совсем не важно...

Плавный ход машины идеально совпал с ходом моих мыслей. Я и сам не заметил, как задремал и даже посмотрел какой-то невнятный сон, в котором усаживался в кабину родного «МИГа», но тут же оказывалось, что это не «МИГ», а «Бумеранг», я жду команды на вылет со стартовой палубы «Неустрасимого»; вот уже насосы откачали весь воздух, который смогли; разомкнулись и поползли в стороны углеритовые створки стартовой камеры, следуя инструкции, я окончательно герметизирую бэтлсют, опуская до щелчка стекло шлема...

В реальность меня возвращает недовольный возглас Питера:

– Этого еще не хватало!

– Что случилось?

Оказывается, пока я клевал носом, по Сети пришло сообщение, что рейс на Луну, на который мы спокойно успевали, откладывается на неопределенное время по техническим причинам. Пассажирам предлагаются бесплатные места в гостинице.

– Ну что, едем в гостиницу? – спрашивает Питер.

Вот же привязался на мою голову.

– Нет, – отвечаю. – То бишь, давайте я отвезу вас в гостиницу, а сам поеду на космодром.

– Зачем? Рейс-то задержали.

– Затем, что я на службе. А служба моя проходит на крейсере «Неустрасимый», который, в свою очередь, базируется на Луне. Значит, я должен быть на Луне. Вы же были военным летчиком, Питер, что вам непонятно?

– Ага, – удовлетворенно замечает он. – Значит, вас скорее всего срочно отозвали из отпуска, если вы так торопитесь. Верно?

– А вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов? – не выдерживаю я. – Вам на Луну? Отлично. Езжайте в гостиницу и ждите, пока устранят технические неполадки.

– Не горячитесь, Сергей, – примиряюще говорит он. – И прошу меня извинить. Я и впрямь иногда бываю слишком назойлив. Видимо, должность накладывает свой отпечаток. Только не спрашивайте, какая. Скоро узнаете, обещаю. А пока что я еду с вами на космодром.

Я пожимаю плечами, показывая, что мне дела нет до чужих должностей, а вслух говорю:

– Как хотите. Только на космодроме мы с вами расстанемся, договорились?

– Боюсь, не получится, – улыбнулся он. – Насколько мне известно, ровно через два часа и четырнадцать минут с «Восточного» стартует СЛК – специальный лунный курьерский. Обычно он не берет пассажиров, но для нас с вами, надеюсь, сделают исключение. Вы ведь тоже о нем подумали, когда намеревались следовать на космодром в одиночестве?

– О нем, – пришлось мне признаться. – Значит, ваших полномочий достаточно, чтобы сесть на специальный курьерский? Интересно.

– Уверен, что достаточно, – сказал он. – Даже с избытком. Так что образуем пару «ведущий-ведомый», и я обещаю, что специальный курьерский без нас не стартует. Ведомый вы. Кстати, вот мы и приехали.

Такси-робот затормозило и остановилось.

– Космопорт «Восточный», – сообщил приятный женский голос.

Мы расплатились – каждый за себя – и вышли.

– До свидания, – попрощался голос. – Спасибо, что воспользовались услугами такси города Свободный. Надеюсь, поездка вам понравилась.

У двери со скромной табличкой «Дежурный по космодрому «Восточный» народу хватало. Кто-то сидел в эргокреслах, расставленных у стен и в ближайшем зале, кто-то стоял, подпирая стены плечами и спинами. В общей сложности с дюжину человек, не меньше. В основном, мужчины, но есть и две... нет, кажется, все-таки три женщины. Точно – три. Ничего себе. Это все к дежурному, что ли?

Мы подошли, и Питер, никого ни о чем не спрашивая, приложил к терминалу идентификационную карточку.

– Извините, в настоящий момент дежурный по космодрому отсутствует, – сообщил, как мне показалось, тот же самый женский голос, который мы слышали в такси-роботе (одна дикторша озвучивала, что ли?). – Пожалуйста, обратитесь позже. Спасибо за визит.

– Что за ерунда? – удивился вслух Питер. – Как может отсутствовать на месте дежурный по космодрому? В туалет, что ли, отлучился?

– Угадали, – сказал высокий небритый худощавый мужчина, стоящий у двери с электронной газетой в руках. – Как двадцать пять минут назад отлучился, так и нет до сих пор.

– Ага, – подтвердил второй – толстяк в коротких зеленых брюках, из-под которых буквально сияли на весь мир ярко-синие в желтую крапинку носки, и с массивной золотой серьгой в правом ухе. До того, как мы подошли, он вроде бы дремал в эргокресле, но теперь проснулся и выглядел вполне себе бодрячком. – При этом в туалете этого дежурного нет. Я проверял минут десять назад. Ни в мужском, ни в женском. Что характерно.

Кто-то радостно заржал. Одна из женщин, которую я чуть не принял за представителя сильного пола (плоская грудь, узкие бедра, короткая стрижка, брюки), возмущенно фыркнула.

– Не вижу ничего смешного, – заявил любитель ярких носков. – Если он от нас прячется, то запросто мог это делать и в женском туалете.

– С чего бы ему от нас прятаться? – удивился светловолосый юноша, сидящий рядом.

– Эх, молодой человек, молодой человек, – вздохнул обладатель зеленых брюк. – Сразу видно, что вы никогда не работали администратором популярной стайл-группы. Тогда вы не задавали бы мне таких смешных вопросов.

Юноша с интересом покосился на толстяка, но промолчал.

– Пойдемте, – негромко сказал Питер. – Здесь нам ловить нечего, это ясно. Если дежурный решил исчезнуть для пассажиров, то его не найдет никто.

– Кроме начальника космодрома, – сказал я.

– Вы предлагаете позвонить ему на личный комм и разбудить? – весело осведомился Уварофф. – Я бы не рискнул.

– А у вас есть его номер? – живо заинтересовался предполагаемый администратор популярной стайл-группы. – Дайте мне, я рискну.

– Увы, – очень искренне развел руками Питер, и мне сразу стало понятно, что номер личного комм начальника космодрома «Восточный» у него наверняка есть. – Пойдемте, Сережа.

– Служебный выход? – деловито осведомился я, когда мы отошли достаточно далеко, чтобы нас не слышали.

– Он самый. Отсекайте хвосты.

У служебного выхода-входа дежурили сразу два плечистых сержанта полиции, похожие друг на друга, как родные братья. Руки на поясах, массивные челюсти выдвинуты вперед. Впрочем, откуда мне знать, может, они и впрямь братья?

– Здравствуйтесь, – вежливо поздоровался Питер.

Полицейские молча наклонили головы.

– Нам с господином старшим лейтенантом необходимо как можно скорее попасть на борт специального лунного курьерского. А дежурного на месте нет, и когда он вернется, неизвестно. Так что прошу оказать немедленное и полномасштабное содействие. Вот мои документы и соответствующие полномочия.

С нарочитой ленцой он протянул идентификационную карточку, держа между двумя пальцами – средним и указательным.

Вот умеют же некоторые правильно себя поставить. Всегда завидовал этому умению. Окажись я на месте Питера, боюсь, мне долго пришлось бы доказывать сержантам, что они имеют право меня, старшего лейтенанта Военного космолота Земли, пропустить. Или измысливать совсем уж нетривиальный и наглый ход с отвлечением полицейских на какой-нибудь, мною же спровоцированный, инцидент с последующим тайным проникновением в святая святых космодрома – служебные помещения для экипажей и обслуживающего персонала (в том, что с экипажем СЛК мне удастся договориться, я не сомневался, но до экипажа следовало еще добраться). А здесь – пожалуйста. Две секунды на проверку, и вот уже сержант с почтением возвращает карточку, вытягивается и щелкает каблуками:

– Прошу вас, господин Генеральный инспектор, и вас, господин старший лейтенант! Я провожу.

Глава 4

2152 год от Рождества Христова

Новая Германия. Северный континент

Новый Майнц. Военно-космическая база «Мерзбург»

Пилот «космического охотника» RH-7 обер-фельдфебель Эрика Ланге.

На профессиональном и бытовом уровне у Эрики Ланге было два непоколебимых убеждения.

Первое: женщины лучше мужчин водят космические корабли.

И второе: живой слуга лучше любого, самого продвинутого робота.

Именно поэтому она выбрала профессию пилота «космического охотника», и в денщиках у нее был человек – девушка из местных по имени Тарса Ургувато. То есть человеком Тарса, вероятно, считалась бы лишь по мнению земных антропологов. Сама же Эрика, равно как все «настоящие люди» – истинные немцы и прямые потомки земных арийцев и первых колонистов Новой Германии, называла аборигенов *niedrig* – «низкие». Во всех смыслах.

Местные жители и впрямь были гораздо ниже землян ростом, и стриженная макушка рядовой Тарса Ургувато едва доставала до ключицы ее госпожи и непосредственной начальницы – обер-фельдфебеля Эрики фон Ланге, рост которой, согласно записи в личной воинской книжке, равнялся одному метру семидесяти пяти сантиметрам. При этом сама Тарса считалась довольно высокой среди соплеменников.

Различались Эрика и Тарса не только ростом, званием и происхождением. Волосы Эрики цветом напоминали созревшую пшеницу где-нибудь на полях южной Вестфалии, а глаза были темно-голубые и прозрачные, словно вода в альпийских озерах. И не важно, что за всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь Эрика ни разу не видела ни Вестфалии, ни альпийских озер, ни даже родной планеты Земля. Что с того? Уже близко, совсем близко время, когда космическая армада Тысячелетнего Рейха отправится в стремительный поход, одержит блистательную победу над всеми врагами и предателями, и вот тогда уже она, Эрика, сможет побывать везде, где захочет. И даже – о, чудо! – поселиться и жить в самой Германии, осуществив свою давнюю мечту.

В далеком прошлом, а именно – примерно семь и даже еще пять лет назад Эрика мечтала при этом выйти замуж и нарожать столько здоровых и прекрасных германских детей, сколько будет в силах. Однако действительность безжалостно вмешалась в девичьи мечты и внесла в них серьезные изменения. При всей нехватке на Новой Германии ценнейшего истинно человеческого арийского материала, рожать лишь для того, чтобы родить, Эрика не собиралась. Долг долгом, а выходить замуж, зачинать и производить на свет детей следует лишь по велению сердца – в этом девушка была уверена так же, как в непогрешимости идей Тысячелетнего Рейха и его грядущей победе во всей обитаемой Вселенной.

И вот тут-то, в области сердца, и возникли серьезные проблемы.

Нет, оно у Эрики было абсолютно здоровым (с большим сердцем пилотом «космического охотника» не стать). Но вот что касается его чувствительности к мужчинам... Никто из представителей мужского пола не мог пока похвастаться тем, что добился от Эрики Ланге полной благосклонности. Да что там полной. Она и целоваться толком до сих пор в свои двадцать три года не умела! И все по одной простой причине: не находился мужчина, с кем ей хотелось бы этим заняться. А те представители сильного пола, с кем Эрика предпринимала время от времени попытки сблизиться (надо же, черт побери, как-то взрослеть и становиться женщиной!), неизменно оставляли ее равнодушной.

Два года назад, как раз в праздничную ночь выпуска из летной школы, вняв советам лучшей подружки – Белинды Фишер, Эрика поддалась настойчивым ухаживаниям инструктора

по оружию, который подбивал к ней клинья на протяжении двух лет минимум, и, наконец, стала женщиной.

Удовольствия от процесса не получила ни она сама, ни инструктор.

Потом было еще несколько попыток, и все они закончились неудачей. Отчаявшись и, опять же, посоветовавшись с Белиндой, менявшей любовников, а иногда и любовниц, не по одному разу в год, Эрика уж было решила, что она латентная лесбиянка. И, следуя свойству своего характера и воспитания доводить все до конца, приступила к выяснению, так ли это, на практике.

Вышло смешно и немного больно. Смешно для Эрики и больно для лучшей подруги, которая, оказывается, надеялась. Что ж, надежды не сбылись, бывает.

Эрика вздохнула с облегчением, Белинда с грустью, но подругами девушки умудрились при этом остаться, о чем ни одна, ни другая ни разу не пожалели.

Белинда очень быстро нашла утешение в объятьях очередного мужчины. Эрика же уверилась в том, что фригидна от природы, с этим ничего не поделаешь, и загнала все свои переживания и тайные мечты в самый дальний угол души. Как положено истинной дочери германской расы и бравому пилоту «космического охотника», не ведающей страха и сомнений.

К тому же буквально на третий или четвертый день после обескураживающей попытки найти в себе нечто большее, чем искреннее дружеское чувство к Белинде, у Эрики состоялся интересный и запоминающийся разговор с Тарсо Ургувато.

В тот день все шло как-то наперекосья.

Во-первых, они с Белиндой еще не успели восстановить в полной мере свои прежние отношения, и Эрику сей факт весьма расстраивал.

Во-вторых, во время тренировочного полета в атмосфере с выходом на низкую орбиту забарахлил сначала двигатель, а затем и гравигенератор. Да так, что дело чуть было не закончилось катапультированием и потерей машины.

В-третьих, уже на земле, покидая кабину, Эрика умудрилась зацепиться кольцом с сапфиром (подарок бабушки, фамильная драгоценность) за край консоли, на которой держалось кресло пилота, и чуть было не вывихнула палец.

И в довершение всего разболелась голова. Что случилось крайне редко, но уж если случилось, то впору лезть на стену.

В общем, настроение у обер-фельдфебеля Эрики фон Ланге, когда она явилась вечером со службы домой, было хуже некуда. Отвратительное было настроение.

Тарса, следует отдать ей должное, сразу все почувствовала, а посему молча помогла Эрике стащить сапоги, подала тапочки и халат.

Эрика, сняв на ходу юбку и китель и швырнув их на стул, закуталась в халат, прошла в комнату, плюхнулась на диван и молча посмотрела на свою служанку-денщика такими глазами, что та поняла все без слов и через полминуты принесла хозяйке порцию выпивки и горошину болеутоляющего. Эрика, как положено бравому пилоту боевого космического флота, запила лекарство добрым глотком спиртного и в очередной раз подумала, что все-таки денщик у нее – чистое золото. Мысли читает. И услужлива как раз в меру – без назойливости, но и под рукой оказывается точно в нужный момент. А ведь некоторые утверждают, что им приходится бить слуг, ибо иначе те не понимают, что от них требуется. Бить. Фу! Этого еще не хватало. Все можно решить словом. Главное, знать, что и как сказать...

Боль ушла, отпустила, словно учебная перегрузка на крутом вираже с выключенным гравигенератором.

– Спасибо, Тарса, – сказала она. – Кажется, полегчало.

– Я рада, – улыбнулась та. – Подогреть ужин?

– Чуть позже. Просто посиди рядом.

– Хорошо. Трудный день?

– Чертовски. И не только день.

– Я понимаю.

– Вот как? – Эрика взяла стакан, покрутила в руке, но пить больше не стала, отставила, глянула остро на денщика. – И что же ты понимаешь, интересно?

– Понимаю, что вам сейчас нелегко, госпожа. Но все устроится очень хорошо, будьте уверены. Со временем. Я знаю.

– Так-так. В чем же, по-твоему, состоят мои трудности, и что именно устроится?

– Вы позволите говорить откровенно? Не будете сердиться?

– Да говори уже! – рявкнула Эрике. – Хватит тянуть kota за яйца!

– Впереди вас ждет большая любовь, госпожа. Очень красивый мужчина, я во сне видела. Стройный, черноволосый, глаза серые...

– Во сне? – перебила Эрика. – Ты издеваешься, что ли, надо мной, не пойму?

– Как можно! – воскликнула служанка. – Но это был необычный сон, вещий.

– ?

– Мой прадед был колдуном, госпожа. Настоящим колдуном. Он успел меня научить до того, как умер. Не всему, нет. Да я и маленькая была, глупая, учиться не хотела. Но кое-что запомнила крепко. Вещий это был сон, можете даже не сомневаться.

– И чем докажешь, что он был вещий? – прищурилась Эрика. – Можешь сказать, когда и где я встречу этого сероглазого красавца?

– Доказательство может быть только одно – ваша встреча. Случится она уже скоро. Где... Мне кажется, не здесь. Возможно, там, откуда вы пришли.

– На Земле?

– На Земле или где-то рядом.

– А имя? Как его зовут?

– Имя мне не открылось. Я видела только лицо и фигуру. Если хотите, могу нарисовать.

Эрика знала, что Тарса неплохо рисует. Талант, по ее мнению, абсолютно лишний для низких, чья задача служить высшей арийской расе... Хотя, если подумать, что значит – служить? Это ведь не только прислуживать, но и вообще работать на благо белого человека. Работать же можно по-разному. К примеру, работают же «низкие» в мастерских, выращивают пищу, строят дома, обслуживают сложнейшие машины и механизмы и даже, будем уж откровенны до конца, рожают детей от настоящих белых немцев! И эти дети считаются такими же арийцами, как те, чья кровь не разбавлена кровью низких. Будь иначе, земляне за двести с лишним лет давно бы выродились. А так – пожалуйста, колония Новая Германия развивается и крепнет с каждым годом. Сколько было их, безумно храбрых предков, на незнакомом, чудом обретенном корабле пустившихся в полет через безбрежное космическое пространство? Девятьсот восемьдесят два человека. Так написано в учебниках истории и судовом журнале, хранящемся в Музее Нации. Всего девятьсот восемьдесят два. Мужчины, женщины и дети. В основном, конечно, мужчины. Солдаты, офицеры, инженеры, техники, ученые... Были и женщины, но их не хватало. Поначалу. Здесь, на второй планете звезды Тау Кита, они нашли столько женщин, что до сих пор иметь две-три местные наложницы-самки в дополнение к одной официальной жене считается обычнейшим делом. Или даже вовсе только наложниц и никакой жены.

Итак, девятьсот восемьдесят два человека.

А теперь, спустя двести семь земных лет, настоящих людей больше пятидесяти тысяч! И боевой космический флот. Да, прошло двести лет. Но ничто не забыто. И, когда мы вернемся, то предъявим кое-кому серьезный счет, который придется оплатить...

– Вот, госпожа!

– Что? – Эрика очнулась от дум и непонимающе уставилась на служанку, протягивающую ей лист плотной бумаги. – Что это?

– Портрет того, кого я видела во сне. Вашего будущего избранника.

– Ага. Ну-ка...

Эрика взяла рисунок, но рассмотреть его не успела – дикой кошкой взвыла сирена, и комнату затопило алым мигающим светом.

Тревога!

Доннер ветер! Ни отдохнуть, ни пожрать.

Как известно, тревога – древний и лучший способ из полумертвого от усталости или недосыпа солдата сделать вполне годного для выполнения любого приказа бойца. Устать Эрика устала, но не смертельно. Ужин? Черт с ним, спасет плитка шоколада и пара глотков горячего энергетика из бортовых запасов, не впервой.

Сорок секунд – одеться. Еще двадцать – выскочить из дома вместе с Тарсой, прыгнуть в машину, завести двигатель и рвануть с места. Минута – пролететь по широким улочкам городка наперегонки с такими же, выдернутыми из домашнего уюта, товарищами по оружию – пилотами, канонирами, морскими пехотинцами, техниками, штабными... Еще пять – дорога до взлетного поля военпорта. Машина брошена на служебной стоянке. Дальше – бегом. Двести пятьдесят метров ровно от поднятого шлагбаума контрольно-пропускного пункта до лифтовой шахты. Норматив для всех – минута. Но она всегда спокойно укладывалась в пятьдесят секунд. И даже в сорок, если подналечь. Но это необязательно. Мало того, рекорды и не приветствуются. Особенно среди пилотов «космических охотников». Пусть, вон, морская пехота бегают, им положено физикой брать. А пилот, если ходит, уже спортсмен. Шутка, понятно, причем очень древняя, но в каждой шутке всегда присутствует изрядная доля истины. Так что бежать мы, конечно, бежим, но рвать жилы не станем.

Лифт доставляет вниз, точно ко входу на палубу, легко и быстро. Дальше опять бегом. Посещает привычная мысль о том, как это, в сущности, странно – спускаться под землю для того, чтобы потом взлететь выше неба – за пределы атмосферы. Но что делать. Почти все боевые космические корабли Новой Германии были обнаружены именно на таких подземных базах, способных выдержать прямой удар астероида размером с многоэтажный дом. А от тех кораблей, которые располагались на базах наземных, мало что осталось. И дело тут, вероятно, не только в астероидно-метеоритной опасности, которая висела над колонистами Новой Германии и «низкими» постоянно, из года в год, века в век, тысячелетия в тысячелетие и так далее (что делать – одних мощных Поясов астероидов в системе Тау Кита оказалось целых три, не считая более слабых!). Просто под землей все и всегда сохраняется лучше, чем на открытом воздухе. И, чем глубже под землей, тем лучше. Тот корабль, на котором прибыли на Новую Германию предки, тоже хранился глубоко, на тщательно оборудованной, вырубленной в скальном грунте, базе. А стоял бы на поверхности, хрен бы от него что осталось. Даже и безо всяких астероидно-метеоритных бомбардировок. Правду сказать, строить Неведомые умели. Если, как это утверждает кое-кто из ученых голов, Неведомые и впрямь пращуров арийцев, то, черт возьми, есть, чем гордиться! Хотя какое там «если»! И так несомненно ясно, что предположение верно – немцы и Неведомые из одного корня. Как иначе объяснить тот факт, что двести семь лет назад предкам Эрики удалось заставить работать, казалось бы, абсолютно непонятную и чуждую космическую технику и добраться на ней сюда, в систему Тау Кита, преодолев через гиперпространство расстояние почти в двенадцать световых лет, отделяющих ее от родной Земли? Говорят и пишут, что во многом это произошло случайно. Но она, Эрика фон Ланге, прямой потомок лейтенанта люфтваффе Гюнтера фон Ланге, первого немца, севшего в пилотное кресло «Нибелунга» – чужого, но быстро ставшего родным корабля-ковчега, уверена: всякая случайность – это непознанная закономерность. Усмешка или гримаса Судьбы, которой одной полностью ведомы и конечная цель, и Путь, ведущий к этой цели. И уж тем более, если речь идет о Пути немецкого народа.

Что же касается «низких», которые, по мнению некоторых высококолых интеллектуалов (так и дала бы по яйцам кое-кому!), тоже являются отдаленными потомками Неведомых, а зна-

чит, родственны землянам вообще и немцам в частности, то здесь на самом деле и думать не о чем. Раз одичали и скатились чуть ли не в каменный век, в первобытно-общинные отношения, значит, и говорить не о чем – все, аллес, недостойны называться людьми. Скажите спасибо, что пришли мы, немцы, и вытащили их из грязи и дикости. Не всех, правда, но хоть тут, на Северном континенте, уже хорошо. А то, что планета Новая Германия на местном дикарском наречии символично называется Ария, лишь подтверждает уверенность Эрики в том, что случайностей не бывает.

Нет, господа, не бывает. Что бы вы ни говорили.

Еще какое-то время тратится на переодевание в летный скафандр – «флюканзуг», потом – опять бегом! – к своему «охотнику», привычно нырнуть под днище, десяток шагов, пригнувшись, открыть люк, белкой вверх по перекладинам-ступеням выдвижного трапа в кабину, в кресло, пристегнуться, лестницу убрать, люк закрыть, связь, все.

– «Оса-пять» – Штабу. Обер-фельдфебель Ланге на месте! Прием.

– Отлично, обер-фельдфебель. Оставаться на связи, ждать дальнейших приказаний.

– Есть ждать дальнейших приказаний!

Вот так всегда. Ну, не всегда, но часто. Тревога, спешка, адреналин. А в финале – сидеть и ждать. Полчаса, час или даже больше. Однажды, помнится, ровно пять с половиной часов проторчала в кабине. Хорошо, туалет есть. И кресло удобнее, легко откидывается и становится кроватью... Поспать, что ли? Нет, что-то пока не хочется. К тому же, чует ее пилотское сердце, что ожидание не будет долгим. Значит...

Эрика еще раз проверила готовность систем, на что у нее ушло ровно две минуты, после чего запустила руку за спину, нащупала в заднем кармане пилотского кресла тетрадь и вытащила ее наружу. Вот он – дневник ее предка, лейтенанта Гюнтера фон Ланге. Копия, понятно. Сколько раз она читала и перечитывала его за последние десять лет, с тех пор, как дневник впервые попал в руки тринадцатилетней белокурой и веснушчатой девчонки Эрики Ланге? Двадцать? Тридцать? Она не считала. Но с того, самого первого раза, когда она его открыла, дневник стал надежным спутником и советником в ее жизни. Здесь она находила ответы на те вопросы, которые не успела задать родителям, погибшим одиннадцать лет назад при знаменитой астероидной атаке две тысячи сто сорок первого года, когда был полностью разрушен Новый Майнц, и руководством Третьего Рейха впервые были названы ориентировочные сроки разведывательного рейда к Земле...

Эрика вздохнула, достала шоколадку, откусила, запила энергетиком и наугад раскрыла тетрадь.

Глава 5

2152 год от Рождества Христова

Новая Германия. Северный континент

Военно-космическая база «Мерзебург». Борт линкора «Эрих Хартманн»

Пилот «космического охотника» обер-фельдфебель Эрика Ланге

Из дневника

лейтенанта Гюнтера фон Ланге

26 февраля 1945 года

«Обычно после шести-семи боевых вылетов за день ты напоминаешь сам себе выжатый лимон. Сил остается мало. Едва-едва на то, чтобы принять холодный душ, поужинать, выпить с товарищами стаканчик-другой шнапса или, если повезет, коньяка, выкурить сигарету и завалиться на койку с какой-нибудь немудрящей книжкой. Полчаса вождения уставшими глазами по строчкам, и вот уже книжка выскальзывает из ослабевших пальцев, и ты улетаешь туда, где нет ни войны, ни страха, ни боевого азарта, ни смертоносного огня вражеских истребителей и зениток – в сон.

Но сегодня привычный распорядок был нарушен. Не успел я в офицерской столовой допить вторую порцию крепкого и выкурить сигарету, как меня нашел посыльный и передал приказ немедленно явиться к командиру группы.

– Хорошо, солдат, – сказал я. – Сейчас буду. Свободен.

После чего допил коньяк (сегодня нам повезло – снабженцы раздобыли где-то ящик настоящего, еще довоенного «Асбах Уралт»), не спеша докурил сигарету и отправился к начальству. Захожу, докладываю, как положено. Так, мол, и так, господин группенкоммандер, лейтенант Гюнтер Ланге по вашему приказанию явился. А как положено я докладываю, потому что в кабинете у начальства сидит целый штурмбаннфюрер в черной, с иголки, форме СС и смотрит на меня с эдаким оценочным прищуром.

– Очень хорошо, лейтенант, – говорит наш старик (хотя какой он старик – сорока еще нет). – Знакомьтесь. Штурмбаннфюрер Вальтер Краузе. Из центра, с особыми полномочиями. Господин штурмбаннфюрер, это лучший пилот моей Первой эскадрильи лейтенант Гюнтер фон Ланге. Более шестисот боевых вылетов, тридцать восемь побед.

– Тридцать девять, – сообщаю я. – Уже тридцать девять.

– Сегодня? – уточняет наш старик. – Мне еще не доложили.

– Да, сегодня. «Спитфаер».

– Англичане храбро воюют? – задает странный для меня вопрос штурмбаннфюрер.

– Не храбрее русских, – отвечаю.

– А что русские?

– Ничего. Просто я два года провел на Восточном фронте.

– Теперь фронт кругом, – говорит штурмбаннфюрер и смотрит выжидательно.

Нас со стариком, однако, на такую дешевку не купишь.

– Пилот люфтваффе, – лязгает группенкоммандер, – бьет врага повсюду!

– Так точно! – добавляю я бодро. – И всегда готов выполнить любой приказ командования!

– Отлично, – усмехается Краузе. – Тогда слушайте приказ, лейтенант. С этой минуты вы поступаете в мое распоряжение. Даю вам сегодняшней вечер на сборы, попрощайтесь с товарищами, вряд ли вы их скоро увидите. Завтра в семь утра мы с вами вылетаем. Все ваши вопросы пока держите при себе. Я на них обязательно отвечу, но позже. Мы обязаны соблюдать строгую секретность.

– Могу я взглянуть на ваши полномочия, господин штурмбаннфюрер? – спросил я.

Тот засмеялся, весело посмотрел на нашего старика и махнул рукой – скажи, мол, ему.

– Они достаточные, Гюнтер, – вздохнул группенкомандер. – Можешь мне поверить, они более чем достаточные. Но ты прав, во всем должен быть порядок. Приказ о твоём переводе лежит в канцелярии, я его уже подписал. Можешь быть свободен.

И вот я сижу на своей койке и вместо того, чтобы спать, пишу эти строки. Что ждет меня завтра? Кто такой этот штурмбаннфюрер Вальтер Краузе, и какое задание меня ожидает? Вопросы, вопросы... Надеюсь, я получу на них ответы».

Эрика подняла голову и огляделась. Трудно сказать, что было тому виной – литературное мастерство предка или ее собственное богатое воображение, но, как всегда при чтении дневника Гюнтера фон Ланге, она теряла связь с окружающим миром, переносясь туда, на Землю, в одна тысяча девятьсот сорок пятый год – год величайшего поражения и не менее величайшего триумфа Великой Германии. Триумфа, о котором никто из людей, кроме пятидесяти с лишним тысяч потомков первых колонистов планеты Ария, пока не знает. Но ничего, ждать осталось недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.